

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

**МИКАЕЛ
НАЛБАНДЯН**

К. Н. ГРИГОРЬЯН

**МИКАЕЛ
НАЛБАНДЯН**

ЛЕНИЗДАТ • 1966

Камсар Нерсесович Григорьян
„Микаел Налбандян“

Редактор С. М. Серпокрыл
Художник К. Ю. Швец
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректор Б. М. Парамонов

Сдано в набор 3/II 1966 г. Подписано к печати 14/III 1966 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 1,25. Усл. печ. л. 1,46.
Уч.-изд. л. 1,47. Тираж 75 000 экз. М-11626. Заказ № 287.
Работа объявлена в Г. п. 1966 г., № 109

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 4 коп.

Если бы на камнях Петропавловской крепости были высечены имена ее узников, Микаел Налбандян занял бы место рядом с Чернышевским. Писатель, критик, экономист, философ, он по своему мировоззрению был революционным демократом, воспевшим свободу и сражавшимся за нее в первых рядах.

В 1954 году общественность нашей страны широко отметила 125-летие со дня его рождения. На эту знаменательную дату откликнулись многие деятели советской культуры. Прислал свои теплые слова и Михаил Шолохов. Он писал:

«Русский народ глубоко чтит имя Микаела Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционера-демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком, и в день 125-летия со дня его рождения я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

«Свобода!» — возглашаю я:
Пусть гром над головою грянет, —

Огня, железа не страшусь!
Пусть злобный враг мне сердце ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,—
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

* * *

Микаел Лазаревич Налбандян родился 2(14) ноября 1829 года в городе Новая Нахичевань (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону) в семье кузнеца. Начальное образование он получил в школе Г. Патканяна, отца известного поэта Рафаела Патканяна. В 1853 году Налбандян сдал при Петербургском университете испытания на звание преподавателя армянского языка и стал младшим учителем в Лазаревском институте восточных языков в Москве. В том же году он поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета.

Первые литературные опыты Налбандяна относятся к 1851 году, когда в печати появились четыре его стихотворения, в числе которых и «Мысли глупых об учении» — сатира против купечества.

В студенческие годы, проведенные в Москве, Налбандян питал живой интерес к всеобщей литературе, истории, философии. Он усердно изучал языки. Познаниями и осведомленностью в различных отраслях науки, широким культурным кругозором Налбандян более всего был обязан неустанной упорной работе над собою.

В начале 50-х годов Налбандян выступил

Микаел Налбандян.
Фотография около 1858 г.

в роли активного борца за новый язык литературы. В 1855 году он написал статью «Слово об армянской письменности», в которой выступил горячим защитником живой народной речи, в противовес господствовавшему в литературе древнеармянскому языку, так называемому «грабару».

После гибели Абовяна¹ борьба за новый язык приняла более острый, ожесточенный характер. Она переросла рамки литературной полемики и становилась одним из важнейших вопросов общественной жизни, требующим своего решения. В борьбе за новый язык литературы столкнулись в сущности два враждебных друг другу направления. Всё реакционное, консервативное, отсталое, отживающее цеплялось за старый язык, видя в новом языке разрушение традиций.

С революционно-демократических позиций Налбандян защищал живую народную речь, которая, по его мнению, должна служить основой литературного языка. Он, как и русские революционные демократы, смотрел на литературу как на могучее средство пропаганды передовых идей, средство пробуждения народного самосознания.

С 1858 года в Москве начал выходить новый армянский журнал «Юсисапайл» — «Северное сияние». Он издавался профессором Лазаревского института восточных языков, известным армянским литератором и публицистом Степаносом Назаряном.

---

¹ А б о в я н Хачатур (1805—1848) — армянский писатель, просветитель и педагог, основоположник новой армянской литературы и нового литературного языка.

В представленной в цензурные органы программной записке Назарян говорил о демократизации языка, литературы. Как представитель передовой общественной мысли, он горячо и последовательно защищал идею доступности плодов науки и просвещения народу. Другой задачей журнала, по мысли Назаряна, должно было явиться распространение и пропаганда достижений русской культуры среди широких слоев армянского народа. Журнал должен был всячески способствовать тому, чтобы «ввести армян в круг русского просвещения и цивилизации». В программе были намечены также отделы: общее землеведение, всеобщая история, естествознание, литература и художества. В последний отдел «войдут лучшие мысли и лучшие чувства в изящных формах, — говорилось в программной записке Назаряна, — как поэтических, так и прозаических; отборных отрывков из древнегайканской, русской и европейской литератур...» В этом же отделе предполагалась публикация критических разборов новых армянских изданий.

Расцвет «Северного сияния» связан с тем временем, когда на страницах журнала зазвучал смелый голос Налбандяна. Здесь были напечатаны его многие произведения. Он выступал не только как публицист, но и как поэт, прозаик. В 1859 году Налбандян опубликовал свое известное стихотворение «Свобода».

В другом стихотворении, явившемся одним из лучших образцов армянской гражданской лирики, Налбандян следует некрасовским

гражданским заветам: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...» Обращаясь к своей лире, он говорит:

Молчи же, лира, больше не звени,
Возьми ее обратно, Аполлон,
Отдай тому, кто может жить незряч,
Любовью милой навсегда пленен.
А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов,
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов.
Не лира черная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь.

(Пер. В. Звягинцевой)

Своими мужественными песнями Налбандян открыл новую страницу в истории армянской поэзии, обогатив ее новым идейным содержанием.

В «Заметках», напечатанных в октябрьской книжке «Северного сияния» за 1858 год, Налбандян изложил задачи и цели, которым призван был, по его мнению, служить журнал. Он писал: «Юсисапайл» — смелый журнал. «Юсисапайл» — чуждый пустого страха, далекий от лицемерия, непричастный ужасной иезуитской душе, «Юсисапайл», со всей верностью служа божественной истине, твердой рукой своих сотрудников рассекает и раздирает сгустившийся от тысячи заплат занавес, под которым старательно скрывались мракобесы — нравственные язвы и раны нашей нации». С первых же дней своего сотрудничества в журнале Налбандян выдвигал вполне определенную программу «срывания всех

и всяческих масок» с действительности. Он выступал против духовенства, против «черной кучки обскурантов», которые преграждали путь к просвещению, ставя выше всего свои личные выгоды. Он решительно осуждал «служителей лжи», которые «окутывали густым туманом» народное сознание. Налбандян разоблачал темные дела армянского духовенства: воровство, распутство.

Как и следовало ожидать, своими резкими обличительными статьями Налбандян навлек на себя гнев армянского духовенства. Архимандрит Гавриил Айвазовский в своем доносе министру внутренних дел обвинял Налбандяна «в безбожии, безнравственности, в бунтарстве и сеянии смуты в народе».

На гонения мракобесов Налбандян ответил памфлетом «Две строки», в котором он развивал идеи насильственного свержения тирании и завоевания народом свободы. Он говорил, что «старые умы никогда не согласятся мирно уступить место новым идеям», что «новому придется с боем водружать свое знамя на развалинах старины». Автор «Двух строк» обвинял своих противников в «бесстыдной низости», бичевал их как изменников и предателей народа, клеймил их позором. «Прошли те времена, — писал Налбандян, — когда люди воодушевлялись отвлеченными и мистическими вещами: безжалостный реальный мир с железным посохом в руке требует справедливой дани. Человечество связано с земным шаром. Опыт научил его только на земле находить источники своего счастья и своих бедствий. Прошли и безвозврат-

но минули те мрачные дни, когда люди чувствовали себя счастливыми, прикладываясь к полам какого-нибудь лица с черным клобуком, либо к его руке, зачастую опоганенной блудом и стяжательством».

В «Двух строках» Налбандян провозглашал «свободу и равенство прав человека», «порабощенного гнетом тиранов». Там же изложил он основные положения своей политической программы: «Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа, подразумевая под словом «народ» угнетенные массы армянского крестьянства, несчастного, жалкого, нищего, голого и голодного армянина, угнетаемого не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством... Защищать попираемые права этого армянина — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И, чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, а будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу».

Налбандян тесно и непосредственно был связан с идейным движением России конца 50-х—начала 60-х годов. Он мечтал, по образцу герценовского «Колокола», основать свободный орган армянской революционной мысли.

В 1859 году Налбандян выехал за границу на лечение и провел там несколько месяцев. В ноябре 1860 года по поручению Нахичеванского общества он отправился в Индию,

чтобы получить наследство по завещанию одного из калькуттских купцов. Эта поездка была довольно длительной. На пути туда и обратно Налбандян побывал во многих крупных центрах Западной Европы. Около двух месяцев провел он в Лондоне, где близко познакомился с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Сохранилось весьма ценное свидетельство Н. А. Тучковой-Огаревой о встречах Налбандяна с деятелями «Колокола». «В бытность Бакунина в Лондоне, — пишет она, — между приезжими из России помню одного армянина, по имени Налбандов. Он был лет тридцати, некрасивый, неловкий, застенчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствия ко всему хорошему... Когда он приехал в первый раз к Александру Ивановичу, он едва мог говорить от замешательства. Однако потом, обрадованный радушным приемом Герцена, бывал очень часто у нас. Бакунин им окончательно завладел: каждый день ходил с ним по Лондону и настоял, чтоб Налбандов сделал свою фотографическую карточку».

Трудно теперь восстановить содержание этих бесед, но можно сказать определенно, что русские революционеры верно угадали и достойно оценили личность Налбандяна как соратника в тяжелой борьбе с царским самодержавием. Они всем сердцем сочувствовали деятельности Налбандяна. Герцен писал из-за границы И. С. Тургеневу: «Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший доктор медицины и армянин Налбандов. Прими его мило: он вполне заслуживает». В середине 1862 года Герцен и Огарев писали в

Россию: «N (Налбандов) — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблаго-роднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его». Так же тепло и с чувством глубокого уважения к личности Налбандяна писал М. И. Бакунин своей жене Н. С. Бакуниной: «Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек — весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза».

Налбандян был человеком высоких моральных качеств, преданным делу народно-освободительной борьбы. Он включился в круг деятелей международного революционного движения. Горячо сочувствовал борьбе гарибальдийцев, завязал близкие идейные и дружеские связи с Герценом и Огаревым. Налбандян стал вдохновителем вооруженного выступления турецких армян, так называемого Зейтунского восстания, явившегося крупнейшим политическим событием в армянской действительности 60-х годов прошлого столетия.

Во время второй поездки за границу Налбандян в Париже и Лондоне работал над своей знаменитой статьей «Земледелие как верный путь». Эта статья с начала и до конца проникнута идеями национально-освободительной борьбы.

В центре русской общественной жизни той эпохи стоял крестьянский вопрос. Чернышевский и его соратники смело и последовательно защищали интересы широких крестьянских масс и требовали освобождения крестьян с

землею. Чернышевский, враг крепостничества, был идеологом крестьянской революции. Он умел проводить, как говорил Ленин, «через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹. Налбандян также был идеологом широких масс крестьянства. Он также встал на путь активной революционной борьбы. Социально-политические воззрения Налбандяна и его общественная деятельность обуславливались историческими судьбами армянского народа, который должен был вести борьбу как против своих внутренних угнетателей, эксплуататорских классов, так и против внешних поработителей — султанской Турции и русского самодержавия. Вот почему у Налбандяна идея крестьянской революции сливалась с идеей национально-освободительного движения.

Во всех важнейших, коренных вопросах общественной борьбы Налбандян был единомышленником и соратником русских революционных демократов, которые, в свою очередь, не могли не сочувствовать освободительной борьбе малых народов. И чем дальше, тем больше крепла не только идейная, но и непосредственная организационная связь Налбандяна с русскими революционерами. Он относился с глубоким уважением к личности Герцена и всем сердцем сочувствовал деятельности «лондонских пропагандистов», но в идейном отношении более близок был к Чернышевскому, звавшему к активной революционной борьбе.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

Налбандян вслед за русскими революционными демократами национальную и социальную проблемы рассматривал как единую проблему революционного преобразования общества. Герцен в «Колоколе», Чернышевский и Добролюбов в «Современнике» развивали и пропагандировали свои взгляды на национальный вопрос. Они выступали в защиту равноправия нации, за право каждого народа на независимое свободное существование. Они стремились объединять силы угнетенных масс в борьбе против общего врага — русского самодержавия, беспощадно подавлявшего малейшие стремления малых народов к независимости и свободе.

Историческая заслуга русских революционных демократов в национальном вопросе заключается в том, что они последовательно защищали идею сплочения народных масс в общей освободительной борьбе, идею полного равноправия и дружбы народов. Они сделали чрезвычайно много для идейного сближения угнетенных народов царской России с великим русским народом.

Выступая против угнетения и насилия, Налбандян выдвигал на первый план национальность как «собирательную личность», как организованную силу, способную обеспечить существование народа, защищать его права. По мысли Налбандяна, национальность не подлежит обвинению и всячески приемлема, если она «признает без различия все другие нации, признает за ними такие же права, какие получала она сама».

За грабительской реформой 1861 года по-

Микаел Налбандян.
Фотография 1862 г.

следовала широкая волна народных восстаний. Правительство ответило репрессиями. Стали всюду искать смуту и крамолу. По доносам агентов III отделения начались обыски и аресты лиц, подозреваемых в распространении запрещенной революционной литературы, в частности изданий русской вольной типографии в Лондоне. В дом Герцена проник провокатор, который донес в III отделение о том, что в начале июля приедет из Лондона некий П. А. Ветошников с нелегальной корреспонденцией — письмами Герцена, Огарева, Бакунина к своим единомышленникам в России. На границе Ветошникова задержали. Были захвачены и все письма. Последующие обыски у лиц, которым были адресованы эти письма, дали III отделению дополнительные материалы для привлечения к судебной ответственности Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Налбандяна, Н. А. де Траверсе и других, в той или иной мере общавшихся с русским революционным кружком в Лондоне. Попали в руки III отделения и бумаги А. И. Нечипоренко, задержанного в Италии, среди которых были письма Герцена и Бакунина.

7 июля 1862 года был арестован Н. Г. Чернышевский. В тот же день полиция арестовала Н. А. Серно-Соловьевича и других, обвиняемых в сношениях с лондонскими изгнанниками.

* * *

Приказ об аресте Налбандяна последовал 7 июля, одновременно с приказом об аресте

382

с 152229
19

70 июля 1862г.

Его Императорскому Величеству.

Коменданта Петербург-
ской крепости, Император
Лейтенанта Свиркина.

Воздвиг Императору
красноречивый   Рапортъ

29. Июля

Поставленный во исполнение Выссо-
чайшаго Вашего Императорска-
го Величества повеления бывши-
его шло в отношении Наламни-
ка Устада Кртыса Мандариновъ
№ 1620, Нахичеванский житель
мхиканъ Налбандовъ сего шло
из Петербургской крепости при-
нята и заключена отдача Алек-
сандровскаго расписки от некоего под-в.

Генерал Лейтенантъ Свиркинъ

№ 109

27. Июля 1862 года.

Рапорт коменданта крепости Александру II об аресте
М. Налбандяна.

Чернышевского. Но в это время Налбандяна уже не было в Петербурге. После возвращения из-за границы он выехал в Нахичевань к родным. 10-го он прибыл в Нахичевань, а 11-го генерал-майор Дренякин телеграфировал екатеринославскому генерал-губернатору Риндину: «Второго июля выехал в Нахичевань к отцу тамошний житель Михаил Лазаревич Налбандов, сообщник лондонский. Захватите его с обыском и с бумагами при двух жандармах доставьте в третье отделение. От Москвы с товарным поездом».

14 июля, после обыска на квартире в Нахичевани, Налбандян был арестован и в сопровождении жандармов отправлен в Петербург. Комендант Петропавловской крепости инженер-генерал Сорокин 27 июля в своем рапорте доносил царю: «Нахичеванский житель Михаил Налбандов сего числа в С.-Петербургской крепости принят и заключен в доме Алексеевского рavelина в покой под № 8». На рапорте коменданта крепости помета: «Государь-император изволил читать. 29 июля».

Из камеры № 8 Алексеевского рavelина 6 августа 1864 года Налбандяна перевели в камеру № 14, а в ноябре того же года в камеру № 17. Всего просидел он в крепости более тысячи дней.

Налбандян, по свидетельству современников, был человеком живого, беспокойного ума, неиссякаемой энергии и исключительной работоспособности. Он был интересным собеседником и искусным полемистом. В защите своих убеждений проявлял он упорство и

принципиальную непримиримость. Теперь, когда была выработана программа действий, когда была налажена тесная связь с единомышленниками на Западе, когда Налбандян, полный сил и энергии, целиком отдался делу народно-освободительной борьбы, он был насильственно вырван из живой среды, изолирован и брошен в темные казематы крепости. Легко представить состояние такого человека без близких и друзей, в бездействии и одиночестве. Налбандян часто болел. В камере было сыро, болела грудь, душил кашель. Ему не хватало воздуха. В первое время прогулки не разрешались. Но уже 17 февраля Налбандян сообщал брату, что он вышел во двор крепости, где провел 20 минут, и тут же добавлял, что мог бы и больше побыть, но было ветрено, побоялся простуды и потому вернулся в камеру, чтобы дописать неоконченное письмо. На следующий день его снова вывели на прогулку, в сад Петропавловской крепости, где провел он 45 минут.

Заключенные получали скудную, недоброкачественную пищу. 13 июня 1863 года Налбандян пишет жалобу на имя коменданта о том, что в пище и чае обнаружил насекомых. Такое питание могло бы привести больного Налбандяна к верной гибели, если б не разрешалось родственникам и близким приносить продукты. Получение табака, винограда и других продуктов отмечены в тетради коменданта крепости. Кроме того, заключенным разрешалось иметь при себе деньги, и по своему желанию они могли через администрацию крепости получить дополнительное питание.

В бумагах коменданта крепости сохранилась тетрадь, в которую записывались различные события, связанные с узниками: получение и отправление корреспонденции, свидания и т. п. В этой тетради наряду с именами других лиц, обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами», неоднократно упоминается и имя «армянина Михаила Налбандова». 22 ноября 1862 года брату Налбандяна отказывают в свидании по «обстоятельствам дела», считая это «невозможным». 9 декабря брат повторяет свою просьбу, но снова получает отказ. В первые месяцы пребывания в крепости Налбандяну свидание с близкими было запрещено. Было запрещено также писать по-армянски, можно было писать только по-русски и, кроме того, написанное предъявлять коменданту на просмотр. Переписка с братом хотя и была официально разрешена, но многие письма не доходили. Письма Налбандяна из крепости полны забот о родных. Не о себе он думает, а тревожится за отца, старую мать, пытается вселить в них бодрость. Единственной возможностью поддерживать связь с внешним миром были письма к брату. Содержание их не менее касалось и Анания Султан-Шаха, давнего и ближайшего друга. В письмах частые просьбы прислать нужные книги. Читал он много. В одиночной камере это было его единственным наслаждением. 2 марта 1863 года Налбандян писал брату: «Восемь месяцев день и ночь читаю, поневоле всякий глаз устанет. Между тем это единственное занятие, от которого никоим образом нельзя отказаться». Книги

АРХИВЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

131

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

СОБСТВЕННЫЙ КАМЕЛЕРЪ

ОТДѢЛЕНИЕ III

I ЭКСПЕДИЦИЯ

№ 230

О революціонномъ гунтѣ марбди въ Россіи
и о распространеніи по нему сурганго воз-
мущительнаго воззванія

Часть 76.

о Михаилѣ Налбановѣ

145.

Върученъ въ 1881 году 145. 145.

Следственное дело М. Налбандяна.

получал Налбандян на самые разнообразные темы литературы, истории, философии, политической экономии. Он старался следить, насколько позволяли условия, за развитием биологии, физики и химии. Всю эту разнообразную литературу Налбандян не просто читал, а, как отмечает он в одном из писем, «изучал с аналитической и критической точки зрения». Он делал выписки, полемизировал с авторами. Читая, например, «Историю цивилизации в Англии» Г. Бокля, Налбандян замечает: «Он, признаюсь, меня пугает не только объемом, но и удельным весом, 1-й том из 70 листов! и все еще едва дошел до XVIII столетия. Теперь трудно мне читать книги, имеющие поползновение играть роль философического сочинения; последних я избегаю, как Пушкин семинаристов».

Следствие затянулось. В темной одиночной камере дни проходили один за другим, однообразные, тоскливые, но бодрость и оптимизм не покидали Налбандяна. «Надо надеяться, что ненастный день не вечно останется таким, — писал он брату 8 апреля 1863 года из крепости, — пройдут тучи, повеет весенний ветерок, и солнышко взойдет освещать и согреть мрачные и холодные лица, утомленные под гнетом долгого терпения».

Налбандян в крепости упорно работал над осуществлением своих замыслов. Возможности по выбору тем были ограничены режимом рабеля, но занятия его были разнообразны. С января 1863 года он начал вести тюремный дневник, куда вносил краткие записи о событиях дня, вызовах на допрос, получении

и отправке писем, книг, о ходе работы над статьями и, наконец, о состоянии здоровья. Весною и летом 1863 года усиленно работал над «Опытом радикальной реформы армянского языка». Несколько позже — над заметками «Гегель и его время». В конце года он написал статью, в которой подверг критике деятельность протестантских миссионеров в Западной Армении.

5 февраля 1864 года через коменданта крепости Налбандян обратился с просьбой разрешить ему заниматься переводами и составлением литературно-научных статей для журнала «Северное сияние». Разрешение было получено, но с обязательным условием представлять все написанное в III отделение. Когда же в конце февраля 1864 года была завершена «Критика» романа П. Прошяна «Сос и Вартитер», печатание ее было запрещено. Она была опубликована только в советское время. «Критика» Налбандяна примечательна во многих отношениях.

* * *

Еще в молодости Налбандян познакомился с сочинениями Белинского, которые помогали ему выработать свои литературно-критические принципы, способствуя формированию его революционного мировоззрения.

М. Е. Салтыков-Щедрин в характеристике русской журналистики 40-х годов, подразумевая выступления Белинского, писал: «Тогдашние рецензии были своего рода руководящие статьи, имевшие предметом не столько разбираемую книгу, сколько высказ по ее поводу

совершенно самостоятельных мыслей... в них всегда что-нибудь «проводилось». Блестящими образцами подобного рода литературно-критических выступлений в условиях 60-х годов являлись статьи и рецензии Чернышевского и Добролюбова.

Налбандян перенял и развил замечательные традиции, созданные русской революционно-демократической журналистикой. Его обширная рецензия на роман П. Прошяна «Сос и Вартитер» — не обычная рецензия и по своей природе близка к тому своеобразному критическому жанру, создателем которого был Белинский. Хотя она и была написана в условиях тюремного режима, в Петропавловской крепости, тем не менее автор использовал все возможности, чтобы высказать свои общественные убеждения, свои идеалы.

Литература, по мысли Налбандяна, должна служить выражением народной жизни, народных чаяний. Она является незаменимым источником для изучения народного быта. «В оригинальной национальной литературе, — писал Налбандян, — то есть в ее художественных произведениях, отражаются дух, быт и нравы народа и столько тонких и глубоких явлений, что история для изображения их немогущая и нуждается в помощи поэзии».

Для Налбандяна литература — очаг культуры, источник света и знаний. Ее высшее назначение — служение народу. Налбандян подчеркивал активную функцию литературы: она призвана воспитывать народ в духе непримиримости к своему угнетенному состоянию,

пробуждая в нем, по выражению Добролюбова, «сознание своего человеческого права на жизнь и счастье». Литература должна вызвать к жизни те неисчерпаемые великие творческие силы, которые таятся в народе. Она должна помочь народу сбросить груз средневекового мрака, «ржавчину» веков. Писатель обязан распространять в обществе здоровые и правильные понятия, передовые идеи, объявляя беспощадную борьбу отсталости, невежеству, суевериям, религиозным предрассудкам. «Объяснять чудесное законами природы, — писал Налбандян, — рассеивать средневековый туман, открывать народу глаза, внушать ему больше веры в себя, в свое человеческое достоинство, в свою жизнедеятельность — вот в чем вопрос».

В разборе «Сос и Вартитер» Налбандян упоминает «Мертвые души» Гоголя. Он мечтал о появлении «армянского Гоголя», который с такой же глубиной и силой мог вскрыть темные стороны и пороки современного ему армянского общества, с такой же беспощадностью бичевал бы все низкое, пошлое, уродливое, выражая «живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей».

Заметки о работе Гайма¹ «Гегель и его время», написанные Налбандяном в Петропавловской крепости, с еще большей наглядностью показывают идейную связь его с русскими революционными демократами. Эта статья состояла из выписок и размышлений. Надо

---

¹ Г а й м Р. (1821—1901) — немецкий историк литературы и философии.

полагать, что под рукой у него была декабрьская книжка «Современника» за 1858 год с известной статьей Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения». То, что Налбандян пользовался текстом статьи, доказывают обширные цитаты из Чернышевского.

Статья Налбандяна позволяет нам лучше выяснить его мировоззрение. Автор выступает поборником свободы, и прежде всего свободы мысли. «Существенное достоинство человека, — говорит он, — заключается в безграничной свободе его мысли; если и она будет подвергаться насилию того или иного авторитета или системы, тогда собственно в чем же прелесть человеческого достоинства?» В казематах Петропавловской крепости Налбандян, естественно, мог предаваться этим горьким размышлениям. Но его более всего занимал вопрос о путях «улучшения человеческой жизни». Его раздражало отвлеченное философствование; он требовал от философии конкретности и жизненности: «Человек лишен приюта, человек не имеет хлеба, человек раздет и разут, природа требует своего. Найти простой и естественный путь, изыскать истинные человеческие, разумные средства, чтобы человек обрел себе приют, имел хлеб, прикрыл свою наготу, удовлетворил природные потребности, — в этом суть философии... Хочешь стать философом для своего народа, так изучай его жизнь, источники его понятий, его потребности. Улучшение этой жизни и есть самая величайшая и самая истинная философия».

В Петропавловской крепости Налбандян работал усиленно, много читал, писал статьи, заметки. Он мог бы сделать больше, если б не болезнь и отсутствие литературы.

* * *

Следственная комиссия впервые вызвала Налбандяна на допрос 12 октября 1862 года. Главный вопрос касался, разумеется, сношений с «лондонскими пропагандистами». Налбандян, так же как и Чернышевский, решительно отрицал свою причастность к деятельности лондонского революционного кружка¹. «Я ни в каком случае не знаю, — говорил Налбандян на следствии, — ни их намерений, ни образа действия... Ни Герцен, ни Огарев, ни Бакунин никогда мне не говорили ни о своих планах, ни о своих действиях, и я ни с кем не был с ними в сообществе... Я никогда не состоял агентом русских изгнанников, никакого назначения и никакого поручения от них я не имел».

Налбандяна допрашивали дополнительно 16, 18, 23, 24 и 25 октября 1862 года. Следственная комиссия вызвала его в последний раз 13 декабря того же года. Налбандян держался на допросах с достоинством и мужественно. Он и на этот раз ответил, что не имеет ничего нового прибавить к прежним

---

¹ Вот, например, показания Н. Г. Чернышевского на допросах следственной комиссии 1 ноября 1862 года: «Ни с кем из лиц, распространяющих злоумышленную против правительства пропаганду, ни с кем из находящихся за границей русских изгнанников и ни с кем из их сообщников в России я не был ни в каких сношениях».

показаниям, что он «не был агентом лондонских изгнанников, не служил распространению их пропаганды, не принимал никакого участия в их деятельности».

В Лондоне внимательно следили за процессом. Герцен, Огарев, Бакунин были глубоко озабочены судьбой своих друзей и единомышленников, в их числе и Налбандяна. В письме от 5 октября 1862 года Бакунин писал Тургеневу: «А что Налбандов, — ради бога постарайся узнать о его участи». Указав на невиновность де Траверсе. Бакунин добавляет: «Да и Налбандов невинен, да у него нет связей, и он слаб грудью, а крепость для грудных болезней нехороша. Узнай, что только возможно узнать, и уведошь меня».

Спустя несколько дней Бакунин снова обращается к Тургеневу: «Моя другая забота Налбандов: говорят, что был в Петропавловской крепости, а теперь исчез, никто не знает, куда. Узнай, Тургенев».

Лондонскому революционному кружку, конечно, прекрасно была известна деятельность Налбандяна. Но в создавшейся обстановке, когда III отделение добивалось того, чтобы поименно установить и жестоко расправиться со всеми теми, кто был тесно связан с русской вольной печатью за границей, и Герцен и Бакунин всячески подчеркивали невиновность арестованных, непричастность их к революционной борьбе.

Налбандян был известен III отделению до ареста по доносам как «вольнодумец и опасный элемент», как «мятежник и возмутитель народа». Эти материалы были в распоряже-

1863 г.

13^е правит. сената 1863 г.

6. февр. Вотчинникова
— Серго-Соловьевича
12. февр. Мил. Наумандова
— Михал. Владимировича.
20. февр. Петровских
— Бизузерских
21. февр. Астаева
25. — Никитинских
27. — Воронина
— Янина.
7. Мар. Никитинских
22. — Мартынова
27. — Мартынова.
— Чернышевских
30. Мар. Емельянов (от Ком. Р. 49)

нии князя Голицына, возглавлявшего следственную комиссию, и он, ссылаясь на захваченную переписку, доложил Александру II о попытках «лондонских изгнанников водворить свои сочинения на Кавказе». Об этом было немедленно сообщено наместнику Кавказа князю Орбелиани для принятия срочных мер.

Документы, захваченные при обыске Налбандяна, были достаточны для обвинения его в связях с «лондонскими пропагандистами». Среди этих материалов имелось письмо Бакунина к нему от 6 мая 1862 года, в конце которого сообщалась инструкция — шифры для нелегальной переписки. Это был целый условный лексикон:

«Налбандян — Петр Ал-др. Цуриков

Я — Брыкалов

Жена — Мария Осиповна

Герцен — барон Тизенгаузен

Огарев — Костеров

Правительство — Дурнов

Государь — Гаврилов

Тайная полиция — Слепнев

Тюрьма — Кофейная» и т. д.

К следующему письму от 10 мая была дана «прибавка» к шифрованному словарю, а 18 мая Бакунин уже писал Налбандяну по условному шифру: «Здравствуй, почтеннейший мой Петр Александрович. Счастливо ли изволили доехать до Питера?.. Спасибо за фотографию... Вы бы порадовались, если бы видели, с какою радостью и барон Тизенгаузен и друг его Костеров приняли от меня ваши портреты...»

В письме Бакунина Налбандяну предлагалось И. С. Тургеневу в нелегальной переписке именовать «Ларионом Андреевичем». Таким образом, стала известна следственным органам конспиративная кличка Тургенева. При обыске у де Траверсе попало в III отделение и письмо Бакунина к Тургеневу от 8 июня 1862 года. В распоряжении следственной комиссии оказалась и записка И. С. Тургенева Налбандяну следующего содержания: «Любезный Налбандов, я еду завтра, только не в 7 часов утра, а в 5 часов вечера. Если Вы поедете утром, то знайте, что я в Петербурге остановлюсь в гостинице Клея, а в Берлине в Hôtel de S. Petersbourg и приехавши непременно дайте мне знать. Преданный Вам Ив. Тургенев». Вообще роль Тургенева как посредника между «лондонскими пропагандистами» и их единомышленниками в России была значительной. 7 декабря 1862 года А. Ф. Голицын, председатель особой следственной комиссии, доложил Александру II о необходимости вызова из-за границы ряда лиц, в числе их и И. С. Тургенева. Это предложение было утверждено царем.

Тургенев в письмах в Россию всячески отгораживался от «лондонских изгнанников», а в письме к царю просил «велеть выслать допросные пункты» за границу. Просьба его была удовлетворена, но следственные органы ответы его нашли недостаточными и вызов его для явки в суд осенью 1862 года был повторен. Тургенев старался выиграть время, чтобы лучше сориентироваться, получить возможно полную и точную информацию из Рос-

сии. Трижды ему удалось отложить срок своей явки, и, наконец, в начале января 1864 года, он явился в сенат на допрос. Дополнительные его показания были признаны достаточными для полной его реабилитации. 28 января, по определению сената, ему был разрешен выезд за границу до окончания процесса.

Показания Тургенева отличались крайней сдержанностью; они были составлены так, что в них трудно было обнаружить сведения, которые могли бы служить основанием для политических обвинений, выдвинутых против Налбандяна. О встречах с ним в Париже Тургенев писал: «Налбандов был мне известен, как знакомый Бакунина... Могу уверить (и г. Налбандов подтвердит мои слова), что в наши немногочисленные свидания речь исключительно шла о семейных делах Бакунина и не касалась политики». В показаниях Тургенева для следствия могло иметь значение его свидетельство о встречах Налбандяна в Париже с А. И. Нечипоренко, которого III отделение считало «агентом „Колокола“».

У П. А. Ветошникова вместе с нелегальной корреспонденцией были захвачены и 10 экземпляров брошюры Налбандяна «Земледелие как верный путь», изданной на армянском языке в Париже под псевдонимом «Симеон Маникян». В письме Бакунина она называлась условно «поваренной книгой». Брошюра была передана следственной комиссией для заключения чиновнику Аскарханову. После просмотра Аскарханов установил, что брошюра содержит «суждения вовсе не о по-

варском искусстве, а о существующих правительствах и между прочим о России в возмутительном духе»¹.

В ней автор разоблачал крепостнический характер реформы 1861 года. Он требовал освобождения русских крестьян с землею. Освобождение миллионов «без земли и без пристанища» — «что это за свобода?» Раньше крестьянин платил подати, теперь должен платить за землю. «Какое утешение крестьянину, — писал автор, — от этой перемены названия, раз положение осталось без изменения». Более того, по словам автора, теперь крестьянин попал еще и «в руки правительственных чиновников, т. е. из огня да в полымя». В брошюре говорилось о сопротивлении, о крестьянских восстаниях. Характеризуя создавшееся в России «лихорадочное и напряженное положение», Налбандян писал: «Если заблаговременно не проявить благоразумие и не объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей и таким образом не распутать гордиев узел, то крепостной сам разрешит дело, разрубив этот узел топором».

Слова эти почти полностью совпадают с

---

¹ Революционная брошюра Налбандяна не могла проникнуть в Россию легальным путем. Лондонские друзья присылали ее то под видом «брошюры на тарбарском языке», то «поваренной книги». В письме М. А. Бакунина к Налбандяну сохранились интересные сведения о способах нелегальной переброски литературы через границу. Он рассказывает, как горцы, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, т. е. на протяжении всей линии, примыкавшей к Черному морю, не раз возили между дровами и лондонские запрещенные издания.

призывом автора известного письма «Русского человека», написанного если не Чернышевским, то несомненно кем-то из его ближайших друзей. В этом письме, напечатанном в «Колоколе» 1 марта 1860 года, автор, обращаясь к Герцену и к его друзьям, говорил: «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь».

Революционная брошюра «Земледелие как верный путь» отразила заветные думы народных масс о земле и свободе: «Миллионы составляют простой народ, а он и есть носитель как нравственной, так и материальной силы нации». Автора волновала судьба этих миллионов, и в своей статье он ставил основную экономическую проблему «о человеке и хлебе», проблеме, которая, по его мнению, рано или поздно должна получить и получит разрешение «хотя бы и с ужасными бурями».

В «Колоколе» за 1861 год (№ 102, от 1 июля) была напечатана статья Н. П. Огарева «Что нужно народу», послужившая впоследствии основой программы тайной революционной организации «Земля и воля». Статья была написана, по утверждению М. К. Лемке, «не без советов и указаний Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова, М. Л. Налбандяна и других». Общность основной идеи «Земледелия» и статьи Огарева очевидна. Она объясняется тем, что Налбандян в Лондоне имел возможность не только общаться с Герценом и Ога-

ревым, но и ознакомиться с имеющимися в распоряжении редакции «Колокола» материалами, которые частично были использованы им в своей статье. В «Земледелии» утверждается, что земля принадлежит народу, и только народу, «что без земли народу жить нельзя». В основе статьи Огарева также лежит тезис: «Земля никому другому не принадлежит, как народу», «без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя и его оставить, потому что она его собственная, кровная».

Следственной комиссии не было известно, что автором революционной брошюры является сам Налбандян. Его обвиняли лишь в распространении нелегальной литературы, в том, что он знал о «преступных замыслах лондонских беглецов».

31 декабря 1862 года дело поступило в сенат. 20 февраля 1863 года в Новой Нахичевани был произведен «повальный обыск», допрошено более ста представителей различных сословий. Все они в один голос подтвердили свидетельства председателя магистрата о высоком моральном облике Налбандяна. В это же время петербургские друзья предпринимали безуспешные попытки освобождения его из крепости до окончания процесса.

В 1865 году Налбандяну нелегально удалось послать записку А. Султан-Шаху, в которой он писал: «Это мое письмо будет тебе доставлено не обычным путем. В этом сыром каземате я останусь самое меньшее еще 6—8 месяцев; варварское правительство не знает, какие средства применить для подав-

ления свободного слова и уничтожения наших идей...»

В течение 1863—1864 годов сенат дважды вызывал Налбандяна на допрос, но он по-прежнему настаивал на своих письменных показаниях. И, наконец, 27 апреля 1865 года на открытом заседании сената был объявлен приговор по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». В отношении Налбандяна сенат определил состав преступления и приговор. Обвинив «кандидата С.-Петербургского университета Михаила Налбандова в знании о преступных замыслах лондонских пропагандистов, в содействии им к распространению в России запрещенных их лондонских изданий, в стремлении распространять на юге России, между армянами, противоправительственное движение», сенат постановил Михаила Налбандова «оставить в сильном подозрении и затем, как личность неблагонадежную, предоставить министру внутренних дел выслать в один из отдаленных городов России под строгий надзор полиции»¹.

---

¹ В гибели Налбандяна Герцен обвинял Бакунина. 1 сентября 1863 года, когда Налбандян находился в Петропавловской крепости, Герцен писал Бакунину: «Болтовней ты погубил не одного Налбандова...»

Об этом же говорит Н. А. Тучкова-Огарева в своих «Воспоминаниях»: «Он (Налбандян) погиб от неосторожности Бакунина, который расхвалил его в письме кому-то из своих родных в России. Письма Бакунина, конечно, вскрывались на почте. Было дано знать на границу и Налбандов поплатился за дружбу с Бакуниным. Мы никогда не слыхали более об участии этого вполне хорошего и достойного человека. Грустно при-

13 мая 1865 года Налбандяна направили из крепости в петербургскую жандармерию. До ссылки, ввиду болезни, ему было разрешено несколько месяцев под строгим надзором полиции оставаться в Петербурге. Он жил на Биржевой линии, в доме Меняева. В конце ноября в последней стадии туберкулеза он прибыл на место ссылки — в г. Камышин, где и умер 31 марта 1866 года.

В начале мая тело Налбандяна перевезли в Нахичевань. Гроб был встречен, как доносил жандарм, «с необыкновенным триумфом и почетом». Похороны Налбандяна превратились в массовую демонстрацию. Он был погребен в Крестовоздвиженском монастыре, в пяти верстах от города.

* * *

После смерти Налбандяна царская цензура строго следила за тем, чтобы его произведения не распространялись в России. Памфлет «Две строки», статья «Земледелие как верный путь», стихотворение «Свобода» и другие явились яркими документами армянской революционно-демократической печати. Налбандян стал властителем дум не одного поколения армянской передовой интеллигенции. Хотя работы Налбандяна были запрещены как в России, так и в Турции, но они нашли путь к читателю. Их переписывали и распространяли в рукописях и литографированных изданиях.

знать, что не один Налбандов пострадал от неосторожности Бакунина. Последний в письмах имел какую-то чисто детскую невосдержанность на язык»,

Многие из армянских писателей и общественных деятелей вдохновлялись идеями Налбандяна. С глубоким уважением и сочувствием произносил его имя Ованес Туманян. Он назвал Налбандяна «одним из немногочисленных передовых деятелей просвещенного мира его времени, одной из немеркнущих, светлых и ярко горящих звезд на небосклоне армянской литературы».

По признанию народного поэта Советской Армении Аветика Исаакяна, в годы молодости программная статья Налбандяна «Земледелие как верный путь», которую он читал в рукописном списке, оказала на него «поражающее влияние». Исаакян и его молодые друзья с воодушевлением пели запрещенные стихи Налбандяна «Свобода» и «Дни детства». «Налбандян, — говорит Исаакян, — появился как пророк, вооруженный факелом в одной руке и мечом в другой. В течение почти целого столетия он освещал наш путь, указывал нам путь развития, прогресса, призывал к борьбе с тиранией, с рабскими порядками и с рабским мышлением во имя родины, во имя политической и экономической свободы армянского народа, во имя свободы и братства».

Многие замечательные стихи крупнейшего поэта Советской Армении Егише Чаренца из цикла «Эпический рассвет» родились на берегах Невы. В 1929 году Чаренц побывал в Ленинграде, посетил памятные места, связанные с освободительной борьбой. Побывал он и в Петропавловской крепости и под свежим впечатлением написал стихотворение «Не-

ожиданная встреча в Петропавловской крепости». Поэт воспел славные имена тех, кто отдал жизнь за свободу и «дело народное». Ожил перед Чаренцом и образ Налбандяна:

Впереди, посредине пустого двора,
Где теперь возвышается новое зданье,
Одичалый и старый, маячил вчера
Бастион... Это был, окруженный молчаньем,
Страж разгула и славы царей-палачей...
Я один. Уж давно удалились все те,
Кто, как я, посетил преисподнюю эту.
Хмурый двор, где и днем недостаточно света,
Утопает в сгущающейся темноте...
И едва собираюсь я выйти отсюда —
До желанного выхода два-три шажка —
Неожиданно падает сзади — вот чудо! —
На плечо мое тяжелая чья-то рука.
Предо мной человек... Вот лица полукруг...
Почему-то он кажется призрачным, зыбким.
Человск, посветлев от приветной улыбки,
Говорит: — Вы меня позабыли, мой друг? —
Он худой, черноглазый, высокого роста.
У него бакенбарды. Да, верится мне —
Мы встречались когда-то! Не помню я просто —
В жизни, в книгах я видел его иль во сне?
— Позабыли вы, — глядя печально поверх
Головы моей, тихо корит неизвестный, —
Те, рождавшие бурю, мятежные песни,
Что слагал я упорно в угрюмый свой век?
Битве с гнетом и тьмой посвятил я все сердце
В той борьбе никаких не страшился я мук
И горжусь, что поэт Огарев, как и Герцен,
Обращаясь ко мне, говорили — наш друг! —
Я стою потрясенный... Куда он, однако?
Простираю дрожащие руки, но он
Удаляется быстро, отдав мне поклон...
Предо мною лишь двор, весь наполненный мраком.

(Пер. В. Баласана)

Налбандян верил в народ, в его жизнедеятельность, неиссякаемую творческую энер-

гию. Он знал, что это — великая движущая сила истории. Он верил и знал, что придет «заря будущего», когда на «хмуром горизонте» взойдет солнце свободы.

Имя Налбандяна, выдающегося деятеля армянского освободительного движения, революционера и демократа, соратника Герцена и Чернышевского, последовательного и самоотверженного защитника угнетенных масс, дорого всем народам Советского Союза.

ЧТО ЧИТАТЬ О НАЛБАНДЯНЕ

М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. Вступительная статья и общая редакция А. Б. Хачатуряна. М., Госполитиздат, 1954.

С. К. Даронян. Микаел Налбандян. Изд-во АН СССР, М., 1963.

Х. С. Саркисян. Микаел Налбандян и вопросы языка. Изд-во АН Армянской ССР, Ереван, 1955.

4 коп.

